

ПЕРВАЯ ТРЕЩИНА В ПОЛИТИКЕ РАПАЛЛО: К ИСТОРИИ МАЙСКОГО ИНЦИДЕНТА 1924 Г. С СОВЕТСКИМ ТОРГПРЕДСТВОМ В БЕРЛИНЕ

П. В. МАКАРЕНКО

*Воронежская
государственная
лесотехническая академия*

e-mail: vglta@vglta.vrn.ru

Незаконные действия берлинской криминальной полиции на территории советского посольства ухудшили отношения и привели к многочисленным дипломатическим осложнениям. Члены советского Политбюро держались на радикальных позициях, которые могли привести к кризису в советско-германских отношениях. Конфликт был урегулирован после того, как Г. Штресеман признал, что политические интересы играют гораздо более важную роль, чем антикоммунистические устремления германского МВД. Урегулирование конфликта не устраняло взаимного недопонимания и атмосферы недоверчивости в советско-германских отношениях.

Ключевые слова: Майский инцидент, экстерриториальность, посольство, кризис в отношениях между Германией и СССР, урегулирование конфликта и его политические результаты.

В начале 1924 г. руководство РКП (б) и Коминтерна ещё не осознавало в полной мере всю несостоятельность своих прежних воззрений о возможности победоносной пролетарской революции в Германии и других странах Европы. Оно наивно полагало, что победа над немецкой и мировой буржуазией в обозримом будущем неизбежна. Г.Е. Зиновьев в речи, произнесённой в Московском Совете 19 марта, заявил: «... не через десятилетия, а в сравнительно короткий срок вопрос станет так, как он стоял в конце 1923 года, и когда он станет, мы будем принимать те же решения, какие принимали раньше»¹. И.В. Сталин также считал, что «решающие бои на Западе ещё предстоят»². При таких и подобных высказываниях руководителей советского государства германское правительство вынуждено было весьма осторожно подходить к сотрудничеству с СССР.

Германское правительство старалось не обострять отношений с Москвой, усматривая в Рапальском договоре прежде всего экономические выгоды. Несмотря на трения, возникшие между обеими странами в конце 1923 г., политические и финансово-промышленные круги Германии сочувственно относились к смерти В.И. Ленина, в глазах которых он рассматривался неким реформатором, допуская существование в СССР частной собственности и поворот страны к государственному капитализму.

В то же время германское правительство, опасавшееся изменения внешнеполитического курса СССР, ревностно наблюдало за попытками советской стороны к сближению с Францией и Великобританией.

Немецкой стороной учитывалась неясность внутривнутриполитической обстановки в СССР после смерти В.И. Ленина в связи с обострившейся борьбой в ЦК РКП (б) между сторонниками И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого за власть. Не исключалась и возможность смены правящего большевистского руководства и аннулирования новым правительством всех кредитных обязательств перед иностранными инвесторами. П. Кернер, глава германской делегации по торговым переговорам, признавал, что немецкая сторона «готова лишь частично удовлетворить основные предложения русских... и в настоящее время не может делать обязывающих заявлений относительно

---

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (в дальнейшем: РГА СПИ.) Ф. 324. Оп. 1. Д. 55. Л. 35.

² Сталин И.В. Соч. Т. 6. М., 1952. С. 283.

предоставления им кредитов». Он подчёркивал при этом, что и «сами русские не особенно торопятся с выполнением наших пожеланий»³.

Сложившееся положение дел дало повод наркому Чичерину говорить о кризисе как экономических, так и политических отношений с Германией, ставшем к началу февраля 1924 г. особенно чувствительным. Причину превращения «бывших друзей в ярых врагов» он усматривал в осенних событиях 1923 г., не прекращавшихся заявлениях и призывах Г. Зиновьева к германской революции, ориентацией СССР на сотрудничество с Великобританией, Францией и другими странами, в результате чего Германия стала «побаиваться» своего рапальского партнёра.

Весной 1924 года Г. Зиновьев активизировал свои призывы к немецким рабочим, содержащие откровенные намёки на возобновление революции в Германии в ближайшее время⁴. Статс-секретарь германского МИД барон фон Мальцан в ответ на бесцеремонное вмешательство ИККИ во внутренние дела Германии потребовал от советского правительства повлиять на деятельность III Интернационала и прекратить его призывы к насильственной борьбе против германского правительства⁵.

К моменту инцидента в советском торгпредстве 3 мая 1924 г., спровоцированного берлинской полицией, московское руководство уже знало о намерениях германских властей принять превентивные меры против пропагандистской деятельности Коминтерна в Германии. Вторжение полиции в здание советского торгпредства не было уже столь неожиданным для советской стороны. Коминтерновские эмиссары, агенты внешней разведки и ВЧК учитывали напряжённую обстановку во взаимоотношениях с германскими властями и приняли все надлежащие меры для избежания провала типа времён А. Иоффе и обнаружения полицией компрометирующих деятельность сотрудников торгпредства материалов.

Правящая элита Германии, давая санкции МВД Германии на обыск в здании советского торгпредства, шла на рискованный шаг, который мог вызвать непредсказуемые последствия. Она учитывала противодействие Аусамта, отвергавшего ещё в январе 1924 г. предложение МВД об обыске в советском торгпредстве, и поэтому Г. Штреземан был даже не информирован о предстоящей акции. Он выступил в довольно резкой форме против произвола полицейских властей, назвав такие действия «безответственными» и обвинил МВД в том, что «обыск торгпредства был проведён без ведома Аусамта»⁶. Штреземан отверг «внешнеполитическую фантазию Чичерина», связывавшего обыск полицией торгпредства с МИД Германии, а в телеграмме Брокдорф-Ранцау 7 мая просил передать советскому наркому, что «всё это дело исходит от полиции и не имеет ничего общего с внешней политикой»⁷. В ответ на заявление Чичерина Брокдорфу-Ранцау о том, что «Германия использует инцидент с налётом на советское торгпредство как повод для разрыва отношений с Россией», Г. Штреземан официально заявил о непричастности указанного инцидента к германской внешней политике по отношению к СССР⁸. Зато сам Брокдорф-Ранцау, непосредственно наблюдавший за реакцией московского руководства, оценивал последствия инцидента менее оптимистично, чем Штреземан и отмечал «серьёзность создавшегося положения» в связи с инцидентом, когда «вся наша политика поставлена сегодня на карту»⁹.

Бесцеремонное вторжение берлинской полиции в торгпредство, обыск и грубое обращение с советскими служащими, обладавшими дипломатической неприкосновенностью, рассматривались советской стороной как нарушение экстерриториальности и норм международного права. Н. Крестинский ставил в вину МИД Германии

³ Там же. Д. 155. С. 243.

⁴ РГА СПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 55. Л. 26,35.

⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 82. Д. 50 020. Л. 97.

⁶ ADAP. Reihe A. Bd. X. Dok. 65. S. 162.

⁷ Ibidem. Dok. 71. S. 183-184.

⁸ Ibidem. Dok. 59. S. 145.

⁹ Ibidem. Dok. 59. Anm. 5. S. 145.

пренебрежительное отношение к существующим между СССР и Германией соглашениям и игнорирование германским правительством экстерриториальности советского торгпредства, которое не отрицалось и признавалось немецкой стороной до инцидента 3 мая 1924 г.¹⁰

Вопрос об экстерриториальности советского торгпредства постоянно был спорным в отношениях обеих сторон с 1921 г. 3 мая Г. Штреземан официально отверг право советской стороны на полную неприкосновенность помещений торгпредства и стал на позиции защиты действий полиции. Он заявил, что обыск в торгпредстве был спровоцирован его сотрудниками, которые грубо нарушили германские законы и спрятали у себя в здании государственного преступника¹¹.

Резкий поворот Г. Штреземана от обвинений им берлинской полиции в произволе и безответственности к защите её действий стал возможным не без давления влиятельных правых сил в правительстве и германском рейхстаге. Однако заместитель Штреземана в МИДе барон фон Мальцан при всей своей неприязни к большевистскому правительству и коминтерновской пропаганде оценивал действия полиции как «неправильные» и «безответственные», наносящие серьёзный удар внешнеполитическим интересам Германии. Грубейшим нарушением международного права он считал самовольное решение МВД Германии об обыске советского торгпредства и его проведении без согласования с МИД как единственным ведомством, ответственным за внешнюю политику¹².

Народный Комиссариат иностранных дел предлагал германскому правительству выполнение следующих условий, необходимых для разрешения инцидента: извинение в установленной международной практикой форме за произвол и насильственные действия полицейских властей; наказание виновных должностных лиц за вторжение и обыск в торгпредстве; возмещение причинённого материального ущерба; признание экстерриториальности помещений торгпредства и гарантийное заявление о неповторении подобного инцидента в будущем¹³. Политбюро ЦК РКП (б) предусматривало до разрешения инцидента временное функционирование торгпредства с последующей нормализацией его работы¹⁴. Отказ германского правительства признать экстерриториальность торгпредства, уклонение от возмещения нанесённого ущерба и наказания виновных лиц привели к тому, что советская сторона в одностороннем порядке пошла на фактический разрыв торговых отношений с Германией. Переговоры с немецкими торгово-промышленными кругами о новых торговых сделках как в Берлине, так и в Москве были прекращены. С 5 мая был приостановлен экспорт советского зерна и продовольствия в Германию. Советское правительство отказалось от закупок медикаментов и других товаров в Германии и передало заказы на них в другие страны¹⁵. Оно стремилось использовать инцидент для приравнивания статуса торгпредства к статусу полпредства и добивалось любой ценой получить это признание от немецких властей. Переговоры в Москве Г. Чичерина с Брокдорфом-Ранцау не привели к желаемым результатам в равной мере, как и встречи немецкого посла с М. Литвиновым. Руководители Наркоминдела, следуя директивным указаниям ПБ ЦК, предлагали в качестве основного условия для примирения предоставление права неприкосновенности как для сотрудников, так и для всех помещений торгпредства. Из этих встреч германский посол сделал вывод, что «главным манёвром русских в сложившейся ситуации является оказание давления на Германию»¹⁶.

¹⁰ Советско-германские отношения 1922-1925. Ч. 1. Док. 172. С. 268-269; Документы внешней политики СССР (в дальнейшем: ДВП СССР). Т. VII. М., 1963. Док. 120. С. 237-239.

¹¹ См.: Советско-германские отношения 1922-1925 гг.: Ч. 1. Док. 169. С. 261; ДВП СССР. Т. VII. С. 239.

¹² Советско-германские отношения 1922-1925 гг. Ч. 1. Док. 176. С. 275-276.

¹³ См.: Там же. Док. 182. С. 282-283.

¹⁴ См.: Протокол №87 (особый) заседания ПБ ЦК РКП (б) от 05.05.1924 г. РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 52.

¹⁵ См.: ДВП СССР. Т. VII. Док. 142. С. 286.

¹⁶ Vgl.: ADAP. Serie A. Bd. X. Dok. 75. S. 188-189.

Ноты, которыми обменивались дипломаты обеих сторон, не способствовали взаимопониманию и сохраняли существовавшие расхождения как в оценке хода инцидента, так и оценке его причин. По мнению Г. Штреземана, «советское правительство основывалось на предположении, что вина германского правительства с самого начала не подлежала сомнению, а о вине русских не может быть и речи»¹⁷. Политбюро ЦК РКП (б) с самого начала инцидента усматривало в нём «связь с желанием известных немецких и французских кругов оказать давление на локальные переговоры для затруднения положения Макдональда и усиления позиций ведущих на него атак консерваторов»¹⁸. М. Литвинов при встрече с Брокдорфом-Ранцау руководствовался именно этим постановлением Политбюро ЦК; эти мотивы прозвучали в его заявлении для советской печати¹⁹.

Рассматривать действия германских властей как некий франко-германский заговор вряд ли правомерно. Г. Штреземан в ноте С.И. Бродовскому давал намёк советнику советского посольства на то, что инцидент был вызван «некоторыми имевшими ранее событиями, которые не могли оставаться без последствий». Он имел в виду попытку скрытого вмешательства советского правительства во внутренние германские дела осенью 1923 г.; не прекращавшиеся призывы и обращения Г. Зиновьева и Исполкома Коминтерна к немецким рабочим и КПГ, провоцирующие их на вооружённое восстание и свержение немецкого правительства. Министр подчёркивал, что за последние месяцы германскому МИД приходилось неоднократно указывать Наркоминделу на то, что «видные люди в России открыто пытаются оказывать влияние на внутривнутриполитическое развитие Германии»²⁰. Это заявление Штреземана даёт ключ к пониманию мотиваций действий германских властей, давших согласие на обыск торгпредства. Полицейская акция в Берлине преследовала цель – обеспечение государственной безопасности и предотвращение большевистской пропаганды в стране.

Прусское министерство внутренних дел было разочаровано результатами обыска. Кроме старых листовок и различных деловых коммерческих бумаг, не имеющих никакого отношения к революционной политике Москвы в Германии, полицией ничего существенно не было обнаружено. Отсутствие компромата не позволило МВД Пруссии поднять вопрос о «коммунистическом заговоре» и причастности к нему сотрудников торгпредства. Г. Штреземан пытался загладить вину правящих кругов в Майском инциденте и убеждал С. Бродовского в том, что, «несмотря на указанный инцидент, внешнеполитический курс Германии не изменится»²¹. Однако механизм давления Москвы на Берлин уже был приведён в действие. С прекращением русских поставок зерна в Германии были взвинчены цены на хлеб, бьющие по карману простых немецких обывателей. «Германия бьёт себя, а не нас», – торжествующе заявил нарком Л.Б. Красин. «Свой хлеб мы можем вывозить, и вывозим в Англию, Францию, Голландию, скандинавские страны»²². Прекращение торговых сделок СССР с Германией ощутимо сказалось на финансовом положении немецких фирм, усматривавших в русском рынке главную базу сбыта своих товаров.

К концу мая немецкая сторона проявила инициативу в урегулировании инцидента. Г. Штреземан направил германскому посольству в Москве указание предложить советскому правительству выработать совместный протокол для урегулирования отношений. 31 мая Г. Чичерин отверг представленные ему материалы берлинской полиции как «недостаточно убедительные», а также предложение немецкой стороны о разрешении инцидента путём третейского суда или смешанной комиссии. В ответ на отказ противоположной стороны признать всё здание торгпредства экс-

¹⁷ См.: Советско-германские отношения 1922-1925. Ч. 1. Док. 183. С. 285.

¹⁸ См.: Протокол №87 (особый) заседания ПБ ЦК РКП (б) от 05.05.1924 г. РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 52.

¹⁹ См.: Советско-германские отношения 1922-1925. Ч. 1: 1922-1924. Док. 175. С. 274.

²⁰ Советско-германские отношения 1922-1925 гг. Ч. 1. Док. 183. С. 285; ДВП СССР. Т.VII С. 355.

²¹ См.: ADAP. Serie A. Bd. X. Dok. 75. Ann. 4. S. 190.

²² ДВП СССР. Т.VII. Док. 190. С. 297.

территориальным, он требовал, руководствуясь решениями Политбюро ЦК РКП (б), подтверждения и закрепления статуса торгпредства, существовавшего до 3 мая²³. Ознакомившись с этим требованием, глава германской делегации д-р П. Кернер предлагал пойти на временные уступки и признать лишь за ограниченным числом помещений торгпредства право на неприкосновенность. Г. Штреземан признал это предложение целесообразным и 12 июня заявил о своём намерении пойти на признание экстерриториальности определённой части здания торгпредства и работавших там сотрудников, т.е. остаться на признании старой позиции соглашения 1921 г. Дальнейшие уступки русским, по его мнению, не должны иметь места без каких-то ответных уступок немецкой делегации в торговом договоре²⁴. Своё решение Штреземан подтвердил на заседании комиссии по иностранным делам, подчеркнув, что «всё торгпредство не может быть объявлено экстерриториальным»²⁵.

Кризис во взаимоотношениях между обеими сторонами, несмотря на ночные беседы Брокдорфа-Ранцау с Г. Чичериным и встречи с М. Литвиновым, принял затяжной характер, в ходе которого были свёрнуты деловые и торговые связи. Брокдорф-Ранцау сообщал в МИД о том, что «... германо-русские отношения переживают трудные потрясения»²⁶. Он считал, что «разрыв с русскими ослабляет Германию в глазах её политических противников», и поэтому «необходимо урегулировать расстроившиеся в связи с инцидентом отношения с СССР и идти в духе Рапальского договора»²⁷.

М. Литвинов выехал в Берлин, где ему не удалось добиться желаемых для московского руководства результатов. Г. Штреземан отклонил предложение М. Литвинова о предоставлении советскому торгпредству права на полную неприкосновенность его помещений и работавших там сотрудников²⁸. Стараясь повлиять на противную сторону и сделать её более сговорчивей, Политбюро ЦК санкционировало проведение ГПУ акции, направленной против германского посольства в Москве, чтобы «показать немцам пример того, как надо действовать при нарушении экстерриториальности»²⁹. Агент ГПУ Калашников, проинструктированный соответствующим образом, ворвался в германское посольство и устроил там скандал. Советскими органами были приняты незамедлительные меры к аресту указанного «возмутителя спокойствия», решён вопрос о его увольнении со службы и осуждении за нарушение прав экстерриториальности зарубежного посольства. С германской стороны в ответ на благоприятный исход «московского инцидента», кроме благодарственного письма Брокдорфа-Ранцау, никаких уступок не последовало. Мало того, МИД задерживало выдачу виз советским представителям, затрудняя этим их деловые поездки в Германию. В этой связи советское правительство предприняло ответные меры, усилив репрессии против находившихся в СССР германских подданных, обвиняя последних в шпионаже.

Выход из казавшейся тупиковой ситуации был найден не Политбюро ЦК, а самим Г. Штреземаном, видная роль которого в ликвидации инцидента признавалась Г. Чичериным. Германский министр счёл необходимым пойти на уступку русским в расширении площади экстерриториальных помещений советского торгпредства, предложив соотношение общего числа помещений к дипломатически неприкосновенным как три к двум вместо предлагаемого Г. Чичериным соотношения семь к пяти³⁰.

Советская сторона, осознав, что больше никаких уступок от германского правительства в ближайшее время не предвидится, решила довольствоваться достигну-

²³ См.: ДВП СССР. Т.VII. М., 1963. Док. 160. С. 351.

²⁴ Советско-германские отношения 1922-1925. Ч. 1. Док. 196. С. 313-314.

²⁵ Там же. Док. 198. С. 316.

²⁶ ADAP. Serie A. Bd. X. Dok. 119. S. 289.

²⁷ Ibidem. Dok. 131. S. 322.

²⁸ См.: Советско-германские отношения 1922-1925. Ч. 1. Док. 202. С. 40; Док. 203. С. 40.

²⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 82. Д. 5019. Л. 61.

³⁰ См.: Советско-германские отношения 1922-1925. Ч. 1. Док. 205. С. 326-327.

тым. Майский инцидент был урегулирован особым протоколом, подписанным сторонами 29 июля 1924 г. В нём правительство Германии выражало сожаление по поводу действий берлинской полиции, сообщало о наказании одного из главных виновников погрома в советском торгпредстве – начальника полиции Вайса – и изъявляло согласие возместить причинённый торгпредству материальный ущерб³¹. Главный пункт разногласий был изложен в духе предложений Г. Чичерина о разграничении здания торгпредства на экстерриториальную и не экстерриториальные части в пропорции три к двум, т.е. три пятых помещений относились к неприкосновенным. Соглашение по этому вопросу оставалось в силе до заключения торгового договора между двумя сторонами. Оба правительства отменяли все меры, вызванные инцидентом, и обязывались ровно через год завершить прерванные инцидентом на три месяца переговоры и заключить торговый договор³².

Урегулирование инцидента стало возможным благодаря признанию германскими правящими кругами примата внешнеполитических интересов над соображениями внутривнутриполитического и полицейского характера. Экономически и политически изолированной от Запада Германии не оставалось ничего, как идти на примирение – не во всём выгодное для неё.

«Этот инцидент был первой трещиной в рапальской политике», – отмечает А. Ахтамзян³³. С урегулированием инцидента трения между СССР и Германией не исчезли, а наоборот, возросло недоверие, лишавшее обе стороны доверительных отношений и тормозившее взаимопонимание в духе прокламируемого курса Рапалло.

THE FIRST CRACK IN THE RAPALLO POLITICS: HISTORY OF THE 1924 MAY INCIDENT IN THE SOVIET EMBASSY IN BERLIN

P. V. MAKARENKO

Voronezh Forest Academy

e-mail: vglta@vglta.vrn.ru

After the defeat of the “German October” the Soviet government tried to restore its positions in the Soviet-German relations. Illegal actions of the Berlin criminal police on the territory of the Soviet Embassy led to the worsening of relations and appearance of numerous problems. The Soviet government chose the tactic of obstinacy over the status of its embassy in Berlin. At the same time the members of the Soviet Political Bureau held radical positions which could lead to a crisis in the Soviet-German relations. On the other hand, the Soviet government stopped imports from Germany. The conflict was settled after Gustaw Stresemann confessed that political interests played more important role than anti-Communist aspirations of the German Ministry of Home Affairs. The settlement of the conflict did not lead to liquidation of mutual misunderstandings and atmosphere of mistrust in Soviet-German relations.

Key words: May incident, exterritoriality, embassy, crisis in relations between Germany and USSR, settlement of the conflict and its political results.

³¹ Там же. Док. 209. С. 330.

³² Там же. С. 331-332.

³³ Цит. по: Ахтамзян А. Рапальская политика. М., 1966. С. 126.